



АНДРЕЙ
РОММ

РЕДКИЙ ТИП МУЖЧИНЫ



МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р70

Оформление серии *С. Груздева*

Ромм, Андрей.

Р70 Редкий тип мужчины : [роман] / Андрей Ромм. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Колесо фортуны. Романы Андрея Ромма).

ISBN 978-5-699-86101-9

Алексей Кудрявцев относился к тому редкому типу мужчин, которые видели в любви великий Божий подарок. Поэтому, однажды встретив девушку мечты, делал все возможное, чтобы пламя их чувства не угасало. Но мог ли он предположить, что сестра-близнец его жены никогда не захочет смириться с тем, что Алексей не остановил свой выбор на ней...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86101-9 © Ромм А., текст, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Он говорил, что лучше всего есть тогда, когда не думаешь о закуске, и лучше всего пьешь, когда не ждешь другого питья; чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам.

Диоген Лаэртский о Сократе

1

Не верь, не бойся, не проси — это выводы. Изначальная идея в том, чтобы ничего не желать. Ничего! Не желай — и получишь! Кто-то из древних греков сказал, что чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам.

Кто-то громко всхрипнул. Бабай усмехнулся, поднял узловатый, как корень дерева, указательный палец и многозначительно посмотрел на своего собеседника, как будто храп был неким знаком свыше, подтверждающим его правоту. Собеседник усмешки и жеста не увидел, потому что смотрел не на Бабая, а в окно, на узенький серпик новенького, только что народившегося месяца. Его тусклый свет не годился для чтения, а вот для бесед подходил идеально.

— Невозможно жить и ничего не желать, Бабай.

— Возможно, — не согласился он. — Но трудно. Невозможно получить желаемое. Все остальное возможно. Хочешь что-то получить — перестань думать об этом. Всерьез перестань, без притворства. Тогда получишь.

Бабай внимательно посмотрел на своего визави. Золотистый свет месяца выхватил из темноты строгий про-

АНДРЕЙ РОММ

филь: высокий лоб, прямой нос с маленькой горбинкой, резко очерченные скулы, сильно выступающий вперед подбородок, свидетельство воли и мужества. «Молодой, красивый... Как ему не желать, не мечтать?!» — подумал старый Бабай.

— Зачем получать то, чего не желаешь? — Продолжая глядеть в окно, собеседник пожал плечами. — Не вижу смысла.

— Не знаю, Монах. Это уже другая тема.

Некоторое время молчали. Бабай улегся поудобнее и привычным жестом провел ладонью по шишковатому черепу, словно желая себе спокойной ночи, и уже собирался закрыть глаза, когда Монах сказал:

— Глупо!

— Так уж устроен мир, в котором мы живем, — охотно откликнулся Бабай, приподнимаясь на локте. — Свобода в том, чтобы ничего не желать. Желания нас порабащают. Желания — это кирпичи, из которых человек строит свою внутреннюю тюрьму. Самую страшную из тюрем, которая всегда с человеком. Из нее, Монах, на волю хода нет. От себя не убежишь.

— Если послушать тебя, Бабай, то получается, что как только перестанешь мечтать о свободе, так сразу же выйдешь на волю? Так?

— Так. Ну, может, не в тот же миг выйдешь, но скоро. Жерновам нужно время...

— Каким жерновам?

— Тем самым, которые перемалывают наши судьбы.

РЕДКИЙ ТИП МУЖЧИНЫ

— Я так и знал, Бабай, что ты прикалываешься. — Монах наконец-то оторвал взгляд от окна и посмотрел на собеседника. — Вот и жернова какие-то приплел...

— Прикалываются булавки с брошками, а я дело говорю, — недовольно проворчал Бабай.

— Буддизм какой-то! — Забывшись, Монах повысил голос, но тут же осекся. — Буддисты считают, что как только освободишься от страстей, так сразу станешь Буддой.

— Я говорил про желания, а не про страсти, — уточнил Бабай. — Это разные понятия. А среди буддистов, чтоб ты знал, попадаются очень умные люди. Был у нас в отряде один буддист, Илья-калмык, за месяц до твоего появления откинулся, так мы с ним подолгу разговаривали.

— О чем?

— Обо всем. С умным человеком обо всем можно говорить.

— Если ты такой умный, Бабай, то почему ты здесь, а не на воле? — с откровенным, совершенно несвойственным ему ехидством, поинтересовался Монах. — У самого-то получается не желать свободы?

— Давно уже получилось.

— И почему же ты здесь?

— А что мне на воле делать? — хмыкнул Бабай, кивнув в сторону окна. — Ты пораскинь мозгами, Монах. Куда мне идти? Чем заняться? Дома нет, никого близких нет... Бомжевать по помойкам? Нет, я уж лучше здесь останусь, в нормальных условиях, при людском уважении. Крыша над головой есть, одежда есть, пайка есть — чем не жизнь?

АНДРЕЙ РОММ

А под конец срока ларек подломлю, чтобы пятерик добавили. Или в медчасть за спиртом залезу, для разнообразия. По глазам вижу, Монах, что ты мне не веришь, но скажу еще слово, чтоб закрыть эту тему. Через месяц после того, как я понял, что не хочу никуда отсюда уходить, мне начальник отряда предложил написать ходатайство об условно-досрочном освобождении.

— И что же?

— Я отказался. Это анекдот, чтобы зэку предложили такое счастье, а он отказался. Но это правда.

— Повезло тебе, Бабай. — Монах снова уставился в окно. — А мне до условно-досрочного еще долго. Как до этой луны. И под амнистию я не попадаю. У меня ни наград, ни заслуг...

— Можно инвалидность получить. — Бабай оскалил в улыбке кривые, коричневые от табака зубы. — На промке¹ это легко. С инвалидностью тоже амнистируют, избавляются от дармоедов.

— Ты все шутишь, Бабай!

— Сейчас шучу, а до этого дело говорил. — Голос Бабая вдруг стал строгим. — Если хочешь поскорее на волю выйти, то переставай мечтать о свободе прямо сейчас.

— Перестанешь тут, как же!

— А ты оглядись вокруг, дурачок! Если где и жить, так только здесь. Здесь все люди как на ладони. Здесь все просто и правильно, а там...

— А там моя жизнь осталась!

¹ Промышленная зона исправительного учреждения.

РЕДКИЙ ТИП МУЖЧИНЫ

— Жизнь твоя там, Монах, где ты сам. — Бабай ткнул пальцем в пространство, будто решил поставить точку в разговоре. — Сейчас она тут, на нашей зоне, и больше нигде. Ладно, давай спать. Вижу, что не дорос еще ты до умных разговоров. Вернемся к этой теме через пару лет. Если захочешь. Времени у нас много.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен, и почти тотчас же размеренно засопел. Монах еще долго лежал с открытыми глазами — думал, вспоминал, грезил...

2

Отец был бухгалтером. Скучная профессия, ничего героического, ничего интересного. Некоторые бухгалтеры жили хорошо. Дядя Веня, отцовский однокурсник, оглушительно хохотавший, когда маленький Леша называл его «дядя Веник», работал в торговле и ездил на престижных «Жигулях» шестой модели, имел две дачи — ближнюю и дальнюю («Ну совсем как Сталин!» — ворчала мать), хорошо одевался — джинсы, кожаный пиджак, дубленка. Дядя Жора, бывший отцовский сослуживец, перешедший в какой-то безымянный «почтовый ящик» и сделавший там карьеру, ездил на черной «Волге» с личным водителем. Государственная «Волга» с водителем считалась престижнее, чем своя «шестерка». И жил дядя Жора в самом центре Москвы, в двух шагах от Кремля. А ведь начинал с отцом в одном и том же плановом отделе и некоторое время работал под его началом.

Мать упрекала отца за отсутствие амбиций. Приду-

АНДРЕЙ РОММ

мала ему обидное прозвище «кулёма» и звала так даже на людях. Складно получалось, в рифму: «Тёма-кулёма», люди подхватывали, запоминали. Отец не обижался — привык, а вот Алексей переживал сильно. Тяжело быть сыном неудачника, да еще и со смешным прозвищем. Как-то раз дворовые пацаны попытались «переклеить» отцовское прозвище на Алексея, назвав его «Кулёмычем». Четверо против одного — заведомо проигрышный расклад, но до того, как упасть, Алексей успел сбить с ног троих противников. Ловкость в сочетании с яростью порой творят чудеса. Вместо «Кулёмыча» получил прозвище «Чокнутый», точнее, не получил, а заслужил. «Чокнутый», если произносить это слово уважительно, вполне нормальное прозвище. Предостерегает окружающих от опрометчивых поступков. Со временем прозвище «усохло» до «Чока», а потом трансформировалось в более благозвучного «Чака» в честь знаменитого Чака Норриса, кумира пацанов восьмидесятых. Не просто так трансформировалось, а благодаря личным достижениям. Разряд по боксу, разряд по самбо — это же о чем-то говорит, разве не так?

— Никогда не останавливайся на достигнутом, сынок, — часто повторяла мать. — Остановиться означает проиграть. Посмотри на отца. Окончил Плехановский с красным дипломом, получил хорошее распределение и успокоился. До сих пор такой спокойный-спокойный, ты же видишь, понимаешь...

Алексей видел, понимал. Понимал и то, что нельзя останавливаться, и то, что только такой архиспокойный человек, как отец, мог ужиться с взрывной, чрезмерно

РЕДКИЙ ТИП МУЖЧИНЫ

эмоциональной, скорой на слова и поступки матерью. Он вообще старался все понять, классифицировать, разложить по полочкам. Так удобней и проще. Если не понимал, то приставал с вопросами.

Одного только не мог никак понять, а спрашивать стеснялся — куда делась любовь у родителей? Где они ее потеряли? Иногда, под настроение, мать вспоминала, как красиво ухаживал за ней отец. Со всеми положенными атрибутами (по тому времени, разумеется) — от цветов до приглашений в театр.

— Мы с Тёмой на все премьеры ходили! — гордо говорила мать. — И непременно сидели в середине третьего ряда, такое у нас было правило. Тёма его придумал. До сих пор не понимаю, как ему удавалось доставать билеты на такие хорошие места?

Отец многозначительно хмыкал — знай, мол, наших. В такие минуты мать никогда не называла его «кулёмой». Только Тёмой или Артемом Алексеевичем (ну это больше при посторонних). «Артем Алексеевич ходил с таким солидным видом, что его другие студенты за преподавателя принимали...»

И на единственной свадебной фотографии сразу же бросалось в глаза, с какой любовью родители смотрят друг на друга. А на всех последующих фотографиях они друг на друга совсем не смотрели — только в объектив. И Алексей таких взглядов никогда не замечал. Хорошо жили, тихо, дружно (с отцом невозможно было поссориться, он всегда уступал и со всеми соглашался), но без любви. Никакой романтики, никаких букетов, ника-

АНДРЕЙ РОММ

ких театров. Отец ходил с приятелями на футбол, а мать с подругами в кино — вот и вся «светская жизнь». Алексей пару раз побывал на стадионе с отцом и больше не ходил — не понравилось. Командные виды спорта не привлекали его ни как участника, ни как зрителя. Если все выиграло, то, в сущности, никто не выиграл, и наоборот. Один на один — совсем другое дело. Спорт — это когда каждый сам за себя и готов на все ради победы. Избери Алексей спортивную карьеру, он непременно стал бы чемпионом, с такими-то установками. Но карьеру он наметил себе другую. Торговую. Одну из самых перспективных по тем временам, временам всеобщего дефицита товаров.

Решил. Поступил в тот же Плехановский, что и отец, но на другой факультет, поскольку хотел стать не бухгалтером, а товароведом. Ведать товарами в то время означало дергать за ниточки, которые управляют миром. Официальных лозунгов было великое множество, а неофициальный, по которому жили, всего один: «Ты мне — я тебе». На третьем курсе вступил в партию (партия тогда была всего одна — коммунистическая), чтобы облегчить себе карьерный рост, и записался в студенческое научное общество. Планы были четкими — диплом с отличием (как и отец, учился на одни пятерки), аспирантура, диссертация, карьера. Кандидат экономических наук с партийным билетом мог рассчитывать на хорошие должности и быстрое продвижение по службе. Где-то там, в сияющих горних высях, виделась Алексею министерская

РЕДКИЙ ТИП МУЖЧИНЫ

должность. На меньшее он не был согласен. Делать, так делать, стремиться, так стремиться, любить, так любить.

Любить — так любить. Чтобы не получилось потом, как у родителей — скучно и врозь. Для Алексея любовь была очень важна, несмотря на то что о настоящей любви он лишь в книгах читал. Жизнь «настоящими» примерами не баловала. Жизнь больше внушала, что любовь быстротечна и мимолетна. Вот она есть, а вот ее нет. Вот сын соседей женился на девушке, которая ждала его три долгих года (парня призвали на флот, а там служили на год больше). Вот они ходят, взявшись за руки, и часто спотыкаются, потому что друг с друга глаз не сводят. Вот пошли первые ссоры с криками. Слышимость в панельных домах хорошая — все слова разобрать можно, в том числе и матерные... Стоило ли ждать три года такого вот «счастья»?

Алексей решил, что у него все будет иначе. Или по большой, настоящей любви, такой, чтобы душа пела и все вокруг сияло, или не будет совсем. Решил и твердо следовал своему решению, отчего в общении с противоположным полом испытывал серьезные проблемы. Стоило какой-нибудь девушке приглынуться Алексею, как его тут же начинали терзать сомнения — настоящее ли чувство или нет? Сомнения вызывали скованность, подспудное напряжение. Девушки это чувствовали, и нельзя сказать, что им это нравилось. Самому Алексею это тоже не нравилось. Сомнения казались ему неправильными, недостойными настоящего мужчины. Понравилась девушка? Так давай, развивай отношения! Нечего

АНДРЕЙ РОММ

занудничать и заниматься самоедством (модное нынче слово «рефлексировать» в конце восьмидесятых — начале девяностых еще не вошло в обиход столь широко). Живи сегодняшним днем! Люби! Наслаждайся! Алексей пытался жить сегодняшним днем, но ничего не получалось — натура. Друзья-приятели многозначительно крутили пальцем у виска. Вдруг снова всплыло полузабытое детское прозвище «Чокнутый», только уже в обидном контексте. Самые опытные приятели считали, что все «причуды» Алексея происходят от недостатка опыта, и с уверенностью маститых психологов рекомендовали ему поскорее этого опыта набратся. Убедили. Набрался. Не помогло. Без любви все отношения казались ненастоящими, ненужными, бесперспективными. Иногда охватывало отчаяние — неужели подлинная любовь существует лишь в книгах? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, не хватало ни ума, ни опыта. Но в глубине души что-то подсказывало — есть она, есть, ищи лучше! Алексей искал. Ситуация складывалась парадоксальная. Он легко заводил знакомства с девушками, но сразу же после этого «жал на тормоза», потому что начинал прикидывать и сомневаться. К третьему курсу студентки Плехановского поставили на Алексее Кудрявцеве крест. Одни считали его чудаком, другие — импотентом, третьи подозревали в нетрадиционной ориентации, четвертые думали, что он ищет себе «ну очень выгодную» партию и не склонен размениваться по мелочам. Короче говоря, никаких matrimониальных перспектив. Ноль. Пустое место.

РЕДКИЙ ТИП МУЖЧИНЫ

11 августа 1991 года Алексей отметил первый в своей жизни юбилей — двадцатилетие. Предыдущую круглую дату, десять лет, можно было не брать в расчет. Слишком мелко. А двадцать лет — это уже кое-что. Возраст. Событие. Родители проявили понимание и уехали на выходные куда-то под Коломну, на дачу к кому-то из подруг матери. Собственной дачи у родителей не было. Это тоже ставилось отцу в укор — у всех есть, а у нас нет. Ни дачи, ни машины, чтобы удобно было ездить на дачу.

Гуляли два дня теплой студенческой компанией. Угощение было скромным. Кастрюля приготовленного матерью салата оливье, бутерброды с докторской колбасой, малосольные огурцы и две банки шпрот — гвоздь застольной программы. Пили КЧП — кто что принесет, с выпивкой тогда было так же туго, как и с едой. Принесли всякого разного, от сухого белого до зубровки, смесь напитков кружила головы, но еще больше их кружили сознание собственной молодости и огромных открывающихся перспектив. Время больших перемен пугает тех, кто постарше, и окрыляет тех, кто помоложе. Все только и пели следом за Виктором Цоем, что сердца их требуют перемен.

Однокурсник Борька Сапожков, профессорский сынок, хохмач и выдумщик, подарил Алексею медный перстень-печатку с изображением русалки, который якобы (ну кто поверит Сапожкову!) приносил удачу в любви.

— Вот увидишь — Новый год будешь встречать со штампом в паспорте и младенцем на руках! — громыхал своим басом Борька.